

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №1 ГАЗЕТА

Александр Проханов / Таблица Агеева

ПРОХАНОВ Александр Андреевич

родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Работал лесником, геологом, инженером НИИ и пр.

С 1970-го — корреспондент «Литературной газеты» в «горячих точках»: Афганистан, Никарагуа, Камбоджа, Ангола... Член Союза писателей СССР с 1972 года. В декабре 1990 создает и возглавляет газету «День», с ноября 1993 по настоящее время — «Завтра».

Автор книг «Сон о Кабуле», «Последний солдат Империи», «Чеченский блюз», «Красно-коричневый», «Идущие в ночи», «Господин Гексоген», «Крейсерова соната», «Человек Звезды», «Крым» и многих других.

Лауреат премии Ленинского комсомола, Министерства обороны, Международной Шолоховской премии, премии «Национальный бестселлер», видный общественный и политический деятель.

Живет в Москве.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ТЕКСТЫ (Фрагменты выступления)

В издательстве Русской экспертной школы вышел сборник научных статей «Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Сборник включает статьи, подготовленные на основе тезисов, прозвучавших на конференции в Смоленском государственном университете в 2020 году. Научная встреча была посвящена 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — видного российского учёного-филолога, преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет). За исповедание православной веры её преследовали и незаконно осудили по уголовной статье. Отбыв заключение, она вернулась к педагогической деятельности уже в постсоветской России. Организаторами мероприятия выступили СмолГУ, Всемирный русский народный собор и Русская экспертная школа. В конференции с докладом о ситуации в литературе позднего СССР и современной России выступил главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов.

Семидесяти годы в СССР принято считать годами осознанной борьбы гражданских активистов, их в то время называли диссидентами, против существующего тоталитарного режима. Но что означает само понятие борьбы? По всей видимости, систему неких осознанных действий, определяемых чёткими идеями, программными установками, дисциплиной и прочими необходимыми компонентами.

Однако, в случае Татьяны Щипковой, если опираться на её воспоминания о жизни, включая пребывание в лагере, скорее уместнее говорить о противостоянии, вызванном её человеческим — морально-нравственным — несопадением с параметрами существующего строя.

Это можно назвать выпадением из строя, несоответствием ему. Подобное несоответствие вызвало противодействие государственных структур, что и повлияло печальным образом на её судьбу, определило её

дальнейшую жизнь. Главным, как можно уяснить из её биографической прозы, для неё была не борьба, как таковая, а желание сохраниться в естественном, нравственном и духовном состоянии, которое почему-то не устраивало официальные власти, вызывало с их стороны достаточно активное противодействие.

Сознательной установки на борьбу с тоталитарным режимом у Татьяны Щипковой, как и у её, возможно в то время неизвестных ей единомышленников, таких, как, например, замечательный писатель и многолетний член редколлегии «Роман-газеты» Леонид Бородин, не было. Само понятие тоталитаризма в их случае представляется не политическим, а скорее эмоциональным, литературным. У них было ощущение, что существующий строй не национален, что он фиксирует и насаждает чуждые народу по духу формы и принципы бытия, что он грозит различными формами катастроф, кото-

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2021 №1 /1870/ Основана в 1927 г.

Александр Проханов

Таблица Агеева

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У Петра Дмитриевича Агеева вдруг начинали дрожать руки. Это вынуждало его откладывать ложку, ставить поднятую рюмку, воздерживаться от рукопожатий. Дрожание рук было следствием контузии, которую Пётр Дмитриевич получил в Афганистане, управляя боевой машиной разминирования. В Герате, в районе Деванча, машина села на фугас, взрыв подбросил железный короб и оглушил экипаж. Они с напарником сидели среди едкого дыма, залитые кровью, которая хлестала из горла, ушей и ноздрей.

Пётр Дмитриевич был из профессорской семьи, родился в Москве, жил на улице Горького в сталинском доме, увешанном мемориальными досками с именами актёров, конструкторов и полководцев. Из окон был виден памятник Пушкину, две кремлёвские звезды и великолепный перекрёсток улицы Горького с Бульварным кольцом. Пушкинскую площадь полосовали крест-накрест пылающие потоки машин, и он зачарованно смотрел на этот волшебный огненный крест.

Тверской бульвар, то весенний, изумрудный, то зимний, с чёрной графикой деревьев на белом снегу, был местом его детских гуляний и юношеских свиданий.

Отец и мать преподавали историю в университете. Дома стоял застеклённый шкаф, в котором хранилась библиотека деда и прадеда, множество удивительных книг. Ещё не умея читать, он перелистывал эти книги, пахнувшие старым клеем, как пахнет горький миндаль.

Когда он болел, мама приносила ему в кровать тяжёлые тома «Истории культуры», и он рассматривал египетские храмы, испещрённые иероглифами, гробницы ацтеков с коричневыми мумиями, из которых выглядывали кости, а кругом стояли глиняные сосуды, каменные божки и светильники. Вечером, когда поднимался жар, в горячих сумерках летали над ним египетские иероглифы, похожие на таинственных насекомых, и маслянисто горели у потолка глиняные светильники.

Позже, школьником, он перечитал подшивки журналов «Аполлон» и «Весы» с певучими стихами неведомых поэтов, с изысканными статьями неизвестных фило-

софов, с сиреневыми садами Борисова-Мусатова, с пленительными дамами Бенуа. Этот книжный шкаф со звоном стеклянных створок казался забытым домом, в котором притаились молчаливые обитатели, дожидаясь времени, когда выйдут на свободу.

Прощальный школьный бал запомнился девушками в белоснежных платьях, зарёй на Москва-реке, серебряными чайками, скамейкой в сквере, где он впервые поцеловал мягкие девичьи губы, получил в подарок голубые стеклянные бусы. Девушка обещала прийти на свиданье в этот сквер, на эту скамейку. Не пришла. Он больше её не встречал. От синих бус остался стеклянный шарик, а потом и тот куда-то бесследно закатился.

Он готовился поступать в университет на исторический факультет, надеясь при поступлении получить поддержку отца-профессора. За несколько дней до экзаменов отец и мать погибли в авиационной катастрофе. Их самолёт разбился, когда возвращался из Сочи. Много лет спустя он всё представлял, как мать и отец в последние секунды, взявшись за руки, падали к земле.

Смерть матери и отца была сокрушительной, словно чья-то свирепая лапа вырвала клочок жизни, оставив рваную пустоту.

Он подходил к платяному шкафу, прижимался лицом к материнскому платью, вдыхая тонкий вянувший запах духов. Разглаживал отцовский пиджак, сохранивший запах вкусного табачного дыма. Надевал на себя галстук отца, в котором тот уходил в университет читать лекции, и лежал в этом галстукке недвижно, с глазами, полными слёз.

Он не пошёл на экзамен и осенью был призван в армию. Радовался тому, что внешняя строгая воля подчинила себе его безвольную жизнь, увела из дома, где всё напоминало любимых, причиняло нестерпимую боль.

Его отправили в учебный лагерь в казахстанских предгорьях. Загорелые грубоватые офицеры и сержанты учили стрелять из автомата, бегать по горам, водить неуклюжую, на гусеницах, боевую машину разминирования с тралом. Гроздя тяжеловесных катков утюжили землю, прокладывая проходы в минных полях.

Через два месяца самолёт опустил его в горячей степи Шиндандского гарнизона. Лёжа на железной койке в брезентовой палатке среди спящих солдат, он вдруг ярко, обморочно вспоминал входящую с мороза маму, её меховой воротник с тающим снегом, её лицо божественной красоты.

Он был командиром машины, а его подчинённым, механиком, толкавшим рычаги управления, был солдат. Его звали Фаддеем, фамилия — Лоб, чернявый, вёрткий, с глазами цвета чёрной сморо-

дины, в которых вдруг появлялся металлический медный отблеск. Он верил в пришельцев, считал себя одним из них. Любил смотреть в ночное небо, указывал среди сверкающих звёзд ту, с которой явился на землю. Среди дневного пекла машина раскалялась так, что прикосновение к броне вызывало ожоги. Они с Фаддеем размачивали в воде чёрствый хлеб, лепили к броне мякиш и ели горячие душистые лепёшки.

Вечерами, в сумерках, когда наступала прохлада, солдаты покидали БТРы и танки, сходились вместе в открытой степи. Рыли в земле лунки, наливали соллярку и грели на огне банки с консервами. В ночи горело множество светильников, озаряя солдатские лица. Казалось, теплились лампы, и над ними склонились молитвенники, словно шло таинственное богослужение среди военных колонн, нацеленных в завтрашний бой.

Дивизия выдвигалась к Герату, тяжело переваливалась фургонами, тягачами, танками. Разместилась в пригороде, словно улёгся многолапый железный зверь. Устремились к пылающему небу чаши антенн. Нацелились на Герат стволы самоходных гаубиц и трубы «Ураганов».

Город туманился в горчичной пыли, как мираж, с проблесками изразцовых мечетей. Взрели «Ураганы», посылая в Герат плазменные вихри. Город глотал снаряды, которые исчезали бесследно в горчичной пыли. Неохотно, лениво над городом начинали взрастать чёрные клубы дыма, вяло тянулись в небо, как одноногие великаны, танцующие медленный танец.

Бронеколонна входила в мятежный район Деванча. Боевые машины пехоты развернули пушки в разные стороны, втягиваясь в узкие улицы, и долбили из орудий по глинобитным домам и дувалам.

Он сидел в машине разминирования. Видел, как Фаддей ворочает рычагами, направляет машину в узкий прогал. Сквозь смотровые щели виднелись глинобитные стены с бойницами. Проплыла синяя луковка мечети, крашенные зелёные ворота. Трал с катками, как борона, качался перед носом машины.

Первый взрыв оторвал у трала каток. Удар прокатился по броне, и Фаддей отпустил рычаги. Машина, потеряв управление, боднула тралом гончарную стену, прочертила в ней борозду. Второй взрыв рванул под днищем, подбросил машину.

Спустя много лет Пётр Дмитриевич продолжал ощущать тот железный удар, расколовший голову, разломавший рассудок. Летела синяя луковка мечети, разбились в щепы зелёные ворота. В голове открылся провал, из которого дул железный горячий ветер. Он и Фаддей сидели, залитые кровью. Из ноз-

дрей Фаддея выдувался красный пузырь, блестя на губах выбитые розовые зубы.

В медсанбате его трясло. Он мычал. Рядом с ним мычал и сотрясался Фаддей. Всё указывал рукой в потолок, словно зывал к звёздам, хотел улететь на свою космическую прародину. Санитарный самолёт унёс их в Москву, где они расстались, обменялись адресами, но ни разу не написали друг другу.

После контузии дрожали руки и сохранился страх к земле, по которой осторожно ступал, боясь, что в тротуары и дорожки Тверского бульвара вживлены фугасы и мины.

В военкомате решили, что он может продолжить службу. Но теперь не в Афганистане, а на Байконуре, на космодроме, где ему дали тягач, и он перевозил тяжеловесные грузы.

Казахстанская степь цвела весенними маками, струилась серебристыми травами, топорщилась осенними колючками. Из этих маков, трав и колючек взлетали ракеты. Вдруг начинало угрюмо гудеть. Степь озарялась вспышкой. Появлялся белый бушующий шар. Жаркий факел выносил ракету. Она взмывала, оставляя в облаках туманную прорубь. Небо начинало играть. Летали радуги, горели перламутровые сполохи.

Он останавливал тягач и смотрел с восхищением, как зарастает небесная прорубь, вслушивался в замирающий гул.

Пётр Дмитриевич был благодарен судьбе за то, что стал свидетелем чуда. Гигантская ракета «Энергия», подобная слепящему взрыву, ушла в небеса, унося с собой волшебную бабочку прильнувшего к ней «Бурана». Казалось, над степью зажглась огромная люстра. Крылатое диво в буре огня вознеслось на небо, оповещая громогласным рёвом начало фантастических времён, о которых мечтали люди.

В тишине после взлёта ракеты всё замерло, чутко прислушивалось, бессловесно молилось. Ожидало, когда с неба вернётся гонец, принесёт долгожданную весть.

Дул ледяной ветер. По степи летели бесчисленные перекасти-поле, комья колючек. Казалось, мчатся бесчисленные духи, стараясь покинуть землю перед тем, как явится посланец небес. Возвестит о начале новых времён.

Пётр Дмитриевич помнил, как стоял у своего тягача среди летящих колючих ворохов и, не зная ни единой молитвы, молился. Увидел, как над степью возникло небесное тело, ослепительное, будто серебряный слиток. «Буран», покидая космос, приближался к земле. За ним следовали два истребителя, приветствуя космического собрата. «Буран» коснулся бетона, полыхнул синим дымом. Два тормозных парашюта бурлили, рвались, гасили бег челно-

ка. Казалось, в парашютах ещё бушует Космос, не желает отпускать восхитительную белую птицу.

Там же, на Байконуре, он видел, как маститые академики, генералы, конструкторы обнимали, поздравляли высокого человека с восхищённым лицом, на котором сияли чудесным светом глаза, словно они увидели неземное диво. Это был министр Богданов, душа космического проекта «Энергия» — «Буран». Его сияющие космические глаза.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отслужив в армии, он вернулся в Москву, в свою родную квартиру на Пушкинской. В ней ничего не изменилось. Всё тот же чудесный книжный шкаф с запахом миндаля. Тот же комод с материнскими платьями и отцовскими костюмами, от которых едва уловимо пахло духами и табаком. Кресло-качалка, в которое можно сесть и сладко, с закрытыми глазами, качаться, слыша, как в соседней комнате смеются мать и отец.

В доме было всё то же. Но снаружи, на улицах, бурлила незнакомая страстная жизнь. Под окнами в сквере с утра собирался народ. Кричали, вскакивали на парапет, размахивали кулаками. Человек с благовидной бородкой, в русской косоворотке, выкликал в мегафон:

— Товарищи евреи, большая к вам просьба! Соберите чемоданы и, пожалуйста, уезжайте в Израиль!

Его сторонники яростно восклицали:

— Чемодан, вагон, Израиль!

Тут же проходил другой митинг. Полная женщина, грассируя, гудела в мегафон:

— Русские фашисты, предупреждаю, вас ждёт Нюрнбергский процесс! Помните судьбу Гимmlера и Риббентропа!

Её поддерживали криками:

— Фашизм не пройдёт! Долой коммуно-фашистов!

По улице Горького шли демонстрации. Плотные взвинченные колонны рвались к Красной площади. Их встречали внутренние войска с дубинками и щитами. Обе силы сталкивались на перекрёстке. Грохотали щиты, взлетали дубинки. Визжало, ревели, стеновало. Он смотрел с тротуара, как бежит молодая женщина с окровавленным лицом, как ковыляет старик, а солдат в каске догоняет его и бьёт дубинкой.

Он не понимал смысла этих столкновений. Не запоминал имена вождей. Не знал, к кому примкнуть. Ему казалось, что осыпается огромная, казавшаяся неподвижной гора. Из неё выпадают камни, осыпаются склоны, сходит оползень.

Он свыкался с этой неутрачивающей бурей. Ее волны исходили от необычных людей, с которыми он ненадолго сходилась, жадно внимал их проповедям. Но рядом с прежним появлялся новый проповедник, и его проповеди казались ещё привлекательней.

Седовласый философ с восторженными глазами волхва делил всех людей на «властителей» и «гармонителей». Первые, подобно Сталину, были насильники и разрушители, проливали моря крови. Вторые, подобно Горбачёву, исцеляли раны, возвращали, как садоводы, а не рубили, как лесорубы.

Был страстный аналитик, полагавший, что Советский Союз следует раздробить на восемьдесят частей и каждую отдельно встраивать в европейскую цивилизацию, тем самым наполняя содержанием формулу: «Европа — наш общий дом».

Измождённый писатель, хлебнувший горя в сталинских лагерях, хотел, чтобы каждый конвоир и надзиратель, каждый чекист и член трибунала посадил яблоню, и, когда дерево покроется цветами, они будут прощены.

Другой писатель, напротив, требовал выявить всех, кто был причастен к репрессиям, чтобы их всенародно судить, объявив коммунистическую партию и госбезопасность преступными организациями.

Кто-то предлагал все ракеты и танки свалить в единую гору, вбить в эту гору огромный железный кол и назвать это сооружение «Горой мира».

Известный историк предлагал переименовать Россию в Московию. Другой историк полагал, что казаки и поморы — не русские, а совсем особый народ. Третий считал, что Ленина следует извлечь из мавзолея, отправить в стеклянном гробу в круиз по континентам, выставлять в мировых столицах, но брать за это деньги, пополняя оскудевший бюджет.

Пётр Дмитриевич вспоминал это время как время колдовства. В околдованных людях просыпались притаившиеся сущности, и люди начинали летать. Раз в году из муравейника появляются крылатые муравьи, выются поблескивающим роем, а их бьют на лету пучеглазые голубые стрекозы.

Потом появились танки. Они катили по улице Горького, грызли асфальт, окутанные синей гарью. Стекла дрожали. Танки угрюмо качали стволами. Один танк попятился кормой, встал у памятника Пушкину, направил орудие на перекрёсток.

Тогда же по телевизору он слушал заявление первых лиц государства о создании Комитета, который брал на себя управление страной. Среди членов Комитета он узнал Богданова, создателя «Энергии» — «Бурана».

Улицы вмиг опустели. Так холодный ветер сдувает комаров-толкунов.

Он смотрел на танки, вспоминая бронеколонны на афганских дорогах, и ему казалось, что война докатилась теперь до Москвы.

Однако с полудня люди снова появились на улицах. Опасливо обходили танки. Осторожно к ним приближались. Здоровались с танкистами. Выносили из домов бутерброды, кофе в термосах, бутылки с водкой. Появились девушки, ярко покрашенные, смешливые. Одна поцеловала танк, оставив на броне отпечаток помады. Другая залезла на броню и обнималась с танкистами, и её утянули в люк, в глубь танка. На броню бросали цветы. Танки стояли в ворахах цветов, притихшие. Из жерла пушек торчали букетики гвоздик.

А потом танки ушли, и на телеэкране вместо амеистовых балерин и неловких, с дрожащими руками политиков появились бурлящие толпы. Колонна, возглавляемая Ельциным, шла по проспекту. Несли перед собой огромное трёхцветное полотнище, как рыбаки несут бредень. Улавливали в этот бредень всё новые и новые толпы. Вся Москва, как пойманная рыба, колыхалась в трёхцветном бредне.

Ночью он спускался по улице Горького к Кремлю, видя под ногами изрезанный гусеницами асфальт. Было людно, как во время гуляний. Незнакомые люди подходили к нему, обнимали, восклицали: «Свобода! Свобода!» Было много трёхцветных флагов, цветов. На дощатой эстраде стоял музыкант с чёрной остроконечной бородкой, с вихрами, похожими на козлиные рожки, и играл на саксофоне. Инструмент извивался в его руках как серебряная змея.

Казалось, что дует горячий втер, могучий сквозняк. Выдувая из города воздух, уносит с земли атмосферу. Город задыхался, здания иссыхали, становились плоскими, шелушились. С них опадала чешуя.

На Лубянской площади здание КГБ жутко чернело окнами. В свете прожектора, среди кричащей толпы, качался в железной петле памятник Дзержинскому. Люди обращали вверх счастливые лица, глядя на бронзового висельника.

На Старой площади, у здания ЦК, толпились люди. Чернявый вёрткий парень в джинсах и замызганной майке с изображением американского флага залез по стремянке и долотом сбивал с фасада надпись: «Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза». Золотые буквы отскакивали от стены, со звоном падали на асфальт. Люди с хохотом их подбирали. Золочёная буква «М» упала ему под ноги. Он поднял её и держал.

— Петруха, ты, что ли? С нами? Отлично! — Парень с долотом окликнул его. Это был Фаддей Лоб. Спустился по лестнице. Обнялись.

— Мы, пришельцы, установим космический порядок! Пойдём со мной в Белый дом! Там выступает Ельцин!

Фаддея закрутили другие люди, куда-то утащили. А он остался один, держа в руке букву «М».

На улицах и площадях дул сквозняк. Незримые духи покидали Москву, уносились туда, откуда когда-то явились.

Что запомнилось Петру Дмитриевичу из последних лет? События напоминали пластилин, слипались. Из липкого месива полыхал огонь, летели пули, лилась кровь. Кто-то постоянно кричал, звал, проклинал, умолял.

В доме, где он жил, обитали знаменитые поэты, артисты, учёные. На фасаде красовались мраморные и гранитные доски в честь именитых жильцов. Теперь же двор дома облюбовали проститутки. Собирались в сумерках в глубине двора. Подкатывал востительный джип. В свет фар набегали проститутки. Мерцали их разноцветные юбочки, накрашенные лица. Здоровенный парень обходил их ряд, заставлял поворачиваться спиной, открыть рот. Так на ярмарках покупали лошадей. Три или пять проститутки забирались в джип. Машина уезжала, а проститутки оставались в темноте двора, пока не подъезжала другая машина.

Утром, когда он выходил из подъезда, в нос шибал едкий запах мочи. Это проститутки ночью мочились у стен дома.

Он не долго выбирал, чью сторону взять среди бесчисленных столкновений. Выбрал ту, что ходила под красными флагами. Вместе с демонстрантами попадал под дубинки солдат.

Его били у Белорусского вокзала, когда нестройно шли ветераны, писатели, рабочая молодёжь. Они сели на мокрый асфальт, закрыв голову руками, а солдаты внутренних войск ходили среди них и наносили удары дубинками.

Их били у площади Маяковского, когда он нёс впереди колонны красный флаг. Навстречу двигался сомкнутый строй солдат в касках, с железными щитами. Когда два строя сошлись, он ударил ногой в железный щит, и гулкий удар слился с другим ударом, прозвучавшим когда-то в Герате.

Их били в Останкино. ОМОН в белых шлемах, размахивая дубинками, вламывался в толпу, и какая-то женщина визжала, карабкалась на фонарный столб, и он видел перед собой узорное литье столба и её голые ноги.

Он ненавидел. Был готов стрелять в костоломов, в тяжеловесных парней, уводивших в джип раскрашенных девушек, в музыканта, похожего на бородастого козлика с серебряной змеей в руках, в тяжкого хриплого, жуткого в своей разрушительной мощи

Ельцина, окружённого роем крикливых, назойливых, беспощадных сподвижников.

Он был с баррикадниками, которые упорно, как муравьи, сносили к Белому дому из окрестных дворов доски, арматуру, старые ящики и комоды. Громоздили весь этот хлам перед мраморным фасадом Дома Советов. А потом пели, танцевали, читали стихи, ходили крестным ходом, и он нёс перед собой тяжёлую доску с Богородицей, а над баррикадой трепетали три флага: красный, Андреевский и чёрно-золотой имперский. Там был милый смешливый парень с забавным хохолком. Он кричал кукушкой, одаривая баррикадников долголетием. Его так и звали — Кукушка.

Хождение по чёрным, без света и тепла, коридорам Дома Советов, где мерцали и гасли фонарики, теплились свечи. Вспыхивал на мгновение ствол автомата, нашивка приднестровского батальона, знак баркашовца, золотой погон отставного офицера. Было чувство, что осаждённый Дом Советов, окружённый колючей спиралью, цепями солдат, был неприступной крепостью, откуда начнётся победное наступление, опрокинет ненавистную власть.

Был чудесный, студёный день, солнце, голубое небо, когда многолюдье прорвало оцепление солдат, разметало колючую проволоку, и состоялось братание, словно соединились два фронта. Люди целовали друг друга. И среди этого ликованья, обнимая кого-то, он обратил вверх лицо и увидел в зелёном осеннем небе клин журавлей. Журавли кружились, курлыкали, а потом медленно покинули зелёное каменное небо, и все притихли, провожали печальный клин.

Потом горело Останкино. Грохотали пулемёты, длинные пунктиры врывались в толпу, выстригая в ней пустоты. Он слышал, как чмокнула пуля в бегущую рядом женщину. Шальной БТР носился, разрубая толпу. Из люка смотрело сумасшедшее, с белыми глазами лицо водителя. Ненависть к этому водителю, к осатанелому БТРу была столь велика, что он кинул бутылку с бензином. Промахнулся. Бензин горел на асфальте, а по нему с воем бежали люди.

Он вернулся в Дом Советов, лёг на пол и завернулся в ковёр. Дрожал, то ли от холода, то ли дала себя знать контузия, которая вновь в нём воскресла.

Танки били болванками по Дому Советов, стоя на мосту, вздрагивая при каждом выстреле. Он ждал, когда в окно ворвётся снаряд, расплющит его красной кляксой. Паренёк, которого звали Кукушкой, взял образ Богородицы и вышел навстречу танкам. Шёл, пел, куковал, выставил икону, умоляя прекратить стрельбу. Его скосила пулемётная очередь, и он остался лежать на асфальте.

Их выводили из Дома Советов с поднятыми руками. Рядом бесновалась толпа, размахивала велосипедными цепями. Было солнечно, жутко. Униженный, попранный, он покидал Дом Советов. Сзади разгорался пожар, белые стены лизала чёрная копоть.

Он бежал из проклятой Москвы, спасаясь от погони. За ним гнались духи в чёрных масках. Сквозь прорезь смотрели свирепые, налитые кровью глаза. Их вёл по следу музыкант, похожий на козлика. Путь указывала серебряная змея.

Он пересаживался с поезда на автобус, с попутной машины на электричку. Путал следы, кидался вспять, ночевал на вокзалах и вскакивал ночью, слыша приближение погони. Он убегал, не зная куда, гонимый едким страхом, слыша за спиной стук солдатских сапог, рёв толпы, хруст стены, которую пробивает снаряд. Стремился туда, куда во все века стремились беглые каторжники, старoverы, попы-расстриги, измученные крепостные крестьяне. Огромный русский ветер раздувал его пальто, гнал на восток, пока вдруг не утих.

Он стоял на берегу осенней реки, на окраине села. Кругом великолепными иконостасами золотились леса, синели ели, летела в небе одинокая сорока, дрожала на реке студёная рябь.

Он очнулся. Бег его прекратился. Именно сюда он стремился. Мечтал о реке, о синих далях, в которых туманились золотые леса, о холодной капле дождя, которая упала ему на лицо. Он вздохнул, благодарный кому-то, кто смотрел на него из осенней тучи. Пошёл в село, в крайний дом, проситься на постой.

Он поселился у одинокой старушки, тёти Поли, которая охотно отвела ему каморку за печкой. Устроился лесником, и началась для него удивительная жизнь среди лесов, туманных просек, болот со ржавыми камышами.

Он срывал с куста малины запоздалую ягоду, чувствовал на губах её сладкую каплю. Слушал, как стихает стрекот улетавшего рябчика. Видел, как из ельника просовывается губастая лосиная голова с фиолетовыми глазами.

С лесниками, деревенскими мужиками они клеймили лес, и он ударял в гулкий ствол железным клеймом. Собирали еловые и сосновые шишки на семена, чтобы высаживать на горячих и пустошах хвойные саженцы. Пили водку, сначала молча, а потом все разом начинали галдеть, и он любил их гомон, их обветренные небритые лица, их хитрости, когда они сбывали на сторону незаконно спиленный лес, их издёвки над начальством и незлые насмешки над ним, горожанином, профессорским сыном, занесённым в их глухомань.

В селе была библиотека, большая, запущенная, примечательная тем, что в неё в смутные времена свозили книги из разорённых дворянских поместий. В её собрании были великолепные дореволюционные издания Гоголя, Лермонтова, Достоевского, а также советская фантастика. Он забирал книги, уносил в свою избу и читал, сидя за печкой.

В короткие зимние дни он бродил по лесам на широких охотничьих лыжах. А в долгие вечера садился за книги в своей каморке.

Натопленная печь слабо пахла мёдом. Тётя Поля раскладывала на столе карты, тасовала дам, королей и валетов. А он читал.

Прочитал всех русских поэтов от Фёдора Глинки до Твардовского. Всех русских прозаиков и советских фантастов. И по мере того как читал «Войну и мир», или «Братьев Карамазовых», или «Час быка» Ефремова, в нём росло чувство, что все они, писавшие свои дивные поэмы и романы, стремились познать неведомую высшую тайну, которая, непознанная, присутствовала в мире, витала над землёй, манила. Они приближались к ней, почти касались, а потом отступали, умирали, не дожив до божественного откровения.

Он прочитал хранившееся у тёти Поли старенькое Евангелие и понял, что этим откровением было Царствие Небесное, где нет смерти, нет гнёта, нет боли и где люди встретятся, забыв о земной вражде, ведая только любовь. Каждый русский писатель на свой лад писал свое евангелие, выводил путь, по которому можно достичь Царствия Небесного.

Это стремление русских писателей к недостижимому Царствию Небесному он назвал «Русской Мечтой». Он и сам, подобно русским писателям, жил Мечтой. Был Мечтателем. В Афганистане, когда сидел в стальном коробе гусеничной машины. В толпах, шумящих под красными флагами. На баррикаде, неся в руках икону Богородицы. Он был Мечтателем, но не догадывался об этом. Теперь же это ему открылось.

Зимняя ночь. Крохотное оконце в узорном инее. Тётя Поля спит. Он читает, и ему кажется, что сейчас распахнётся потолок, откроется звёздное небо, и он устремится в сверканье, в мерцанье светил, которые расцветут сказочными цветами, несказанными дворцами. Теми, которыми полнятся русские сказки.

Весной, когда таяли снега и кусты на опушках наливались живыми соками, стояли, как розовые и золотые шары, в селе появилась молодая женщина. Приехала из города погостить у тётки на время, пока муж находился «на северах», зарабатывал деньги. Её звали Вера. Она была статная, с пышной грудью,

шла по селу, улыбаясь, не поднимая глаз. Знала, что из всех окон наблюдают за ней. За её сапожками, меховым тулупчиком, цветастым платком, белым свежим лицом, на котором румянились губы, чернели подведённые брови, улыбались карие ласковые глаза. Он повстречал Веру на улице, поздоровался. Глаза её были весёлые, приветливые, словно она знала, что после этого ласкового взгляда он станет думать о ней, искать новой встречи.

И встреча состоялась.

Из тёмного неба сыпал мокрый снег. На улице ни души. Кое-где чуть теплятся окна. Они с Верой идут за село, откуда дует просторный ветер весны, пахнет тальми снегами, мокрой пашней, сырыми очнувшимися лесами. Они идут вдоль реки по ночной дороге. Ни пешехода, ни автобуса, ни машины. На реке в тумане плывёт огонь, рыбаки в лодке ловят на свет рыбу.

— Это боги! Это русские боги, — говорила Вера.

Он не понимал, о каких богах она говорит, но чувствовал, как вокруг витают незримые духи.

— Это русские боги! — повторяла она.

Он и Вера окружены светящимся туманом. Ночным открывшимся зрением он видит её мокрое от дождя лицо, дышащие губы. Говорит ей о Мечте что-то несвязное, восхитительное. Она отвечает ему такой же несвязной речью о русских богах, которые привели их на берег весенней ночной реки. Он обнимает её среди этой весны, опьяняющих ароматов, у туманной реки, по которой плывёт волшебный огонь. Мечта, она вот, рядом.

Автобусная будка, пустая, с шелестящим по крыше дождём. Он в темноте обнимает её, целует холодное, смеющееся лицо, прижимает губы к горячей открытой груди. Скамья, на которую он её опустил, тесная, сырая. Её тихий смех, громкий глубокий вздох. Они поднимаются, выходят на дождь и молча идут по дороге в село. И в нём такое счастье, лёгкость, благоговение перед ней, подарившей ему эту весну, незабываемую ночную дорогу, уплывающий в тумане огонь.

К лету она уехала не простившись. Её увёз вернувшийся муж, и больше он Веру не видел. Но всю жизнь вспоминал их тайные встречи, маленькую светёлку, где она жила, и он прокрадывался тайком, пробирался на ощупь сквозь тёмные сени в тёплую комнатку, где на стене висела гитара, стояла высокая, с железными шарами кровать. Её полное, голое плечо в темноте. Шары на спинке кровати как серебряные слитки. Он засыпал, обняв её грудь. На рассвете ушёл, и она что-то сонно, улыбаясь, произнесла на прощанье. Он вышел на крыльцо. Стояла огромная малиновая заря, отражаясь в реке. Река остановилась, отяжелела от зари. Земля оставалась

тёмной, на тёмной горе цвела черемуха, пахло её горечью, и по всей горе пели соловьи. Он стоял счастливый, любящий, среди соловьиных свистов, под малиновой весенней зарёй.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вскоре и он оставил село и пустился в странствия. Не задерживался подолгу на одном месте. Менял работу, пробуя себя трактористом, рабочим в геологической партии, охранником, каменщиком на стройке.

Мимо него, не задевая, не рая, прошли Чеченские войны, сначала одна, потом другая. Сменилась власть. Страну терзали теракты. Он отмахивался от них, сторонился московских треволнений и бурь.

Свою великолепную московскую квартиру он сдал богатому армянину. Тот высылал ему деньги, большую часть которых он не тратил, а сберегал.

Мечта о сказочном царстве, о небесном чуде, о вселенском братстве не оставляла его. Он видел, что русский народ-мечтатель, создавший великое государство между трёх океанов, теперь потерял Мечту. Государство разрушалось и падало, а вместе с ним погибал народ.

Признаки этой гибели наблюдались повсюду. Город, который когда-то расцвёл вокруг оборонного завода, теперь, когда завод закрыли, — город превращался в руину. Дом культуры, стадион, памятник советскому солдату ветшали, шелушились, тонули в мусоре. Рабочие превратились в бродяг, слонялись без дела. Растаскивали бесхозный завод, тащили в свои утлые жилища бессмысленные обломки. Приборы, трубы и вентили, листы железа, детали неизвестных изделий, которые прежде мчались в небе, плыли под водой, взлетали на орбиты. Люди, как молчаливые муравьи, тащили мёртвых личинок, и глаза их были полны тусклого дыма.

В большом придорожном селе, где когда-то славился богатый совхоз, колосились поля, гуляло тучное стадо, теперь вместо коровников стояли скелеты, поля зарастали лесом, заборы повалились. Мужики спились, гурьбой слонялись по улице, осаждали магазин, вымаливая у продавщицы бутылку. Женщины, оставляя дома детей, молодые и старые, выходили на дорогу, предлагая себя дальнобойщикам. Возвращались в село с размазанной по лицу помадой.

Он видел страшную драку цыган и русских. Хрустели колья, хрястали железные шкворни. Бородатый цыган держал на ладони свой кровавый вытекший глаз. Русский парень схватился за бок, в котором торчала финка. Мужики с дустволками палили

картечью, и цыгане убежали, волокли по земле убитых и раненых.

В городке судили подростков. Ученики старших классов изловили молодую учительницу, привязали к столу и насильовали всем классом. Вытолкали голую на улицу.

Он видел, что в народе поселился зверь. Народ-великан, народ-мечтатель, победивший в страшной войне, полетевший в Космос, потерял Мечту и превратился в народ-лилипут, народ-малOVER. Невыносимым страданием была жизнь среди погибающего народа, и он думал, как вернуть народу Мечту.

Он осел в небольшом губернском городе, поступил в институт на исторический факультет и окончил его заочно. В институте был интернет-кабинет. Он часами плавал в таинственной ноосфере интернета, читая философов, историков и богословов, статьи которых он когда-то находил в журналах «Аполлон» и «Весы», пахнувших горьким миндалём. Теперь же эти мудрецы говорили о существовании восхитительного царства, к которому во все века стремилась русская душа. Почти достигала ослепительного чуда и вновь срывалась в сумерки.

Он чувствовал своё предназначение. Он должен изгнать из народа зверя и вернуть народу Мечту.

Однажды он шёл по горячим лугам, перебрал студёные ручьи. Кругом всё цвело, благоухало, летали стрекозы, кружили бабочки. Высоко парил медлительный ястреб. Блестела река. Он шёл без усталости среди колыхания трав и блеска солнечных вод, и его душа молитвенно стремилась ввысь, взывала, ожидала долгожданного чуда. Вдруг полыхнули воды, ослепительно вспыхнули травы, взлетели из воды все рыбы, взметнулись все луговые птицы. Могучая бесцветная вспышка ослепила его. Он поднялся ввысь и оттуда увидел всю землю, всё небо, всё мироздание. Оно цвело, благоухало волшебным садом, и в этом саду было множество прекрасных людей. Его бабушка, мать и отец, и молодой лейтенант, погибший под Гератом, и жених и невеста, сгоревшие в Доме Советов, и зарезанный в драке парень, и изнасилованная учительница, найденная в петле. Все были живы, прекрасны, любили друг друга.

Это длилось мгновение. Вспышка погасла. Он спустился на землю, стоял в ручье, и вокруг сновали стрекозы. Он побывал в сказочном царстве. Ему открылось небывалое знание. Он был там, куда звала русская Мечта, где нет смерти, а только одна любовь.

Это чудо было сладостно, несказанно. Он ждал его повторенья. Бродил по тем же лугам, перебрал те же ручьи. Но чудо не повторялось. Тихо остывало, рождая печаль.

Но вдруг он увидел сон. Ему явилась Русская Мечта в виде золотой мозаики, которой выкладыва-

ют в храме изображение Богородицы. Он не знал, в каком храме сияло это золотое изображение, — в Святой Софии Цареградской, или в Софии Киевской, или в Новгородской. Быть может, оно сияло в том царстве, что явилось ему среди лугов и ручьёв.

Изображение Богородицы состояло из множества золотых частиц. Каждая была таинственным кодом, пробуждала в народе его сокровенные свойства, делала народ необоримым мечтателем. Эти коды в виде золотых частиц были выложены в особом порядке, в особой последовательности. Только при этой последовательности возникало изображение Богородицы, слагался образ Мечты.

Нескольких золотых частиц не хватало, и он во сне принялся их искать, чтобы заполнить пустоты.

Сон был яркий, огненный, запечатлелся в нём как оттиск. Сохранился после пробуждения. Он видел последовательность кодов, видел пустоты недостающих частиц. Коды складывались в таблицу, которую предстояло дополнить.

Он записал свой сон. Нарисовал Богородицу. Начертил таблицу, в которой каждый код будил в народе то или иное чувство, а все вместе они рождали Мечту.

Он стал обладателем таинственных знаний, хранителем волшебных кодов. Владел чудотворной таблицей, коды которой преображали народ. Возвращали народу Мечту.

Он описал явленное ему видение, отправил в местную газету. К удивлению, это описание было опубликовано под рубрикой «Чудаки».

Он написал другую работу, о Русской Мечте. Послал в московскую газету. Статья была напечатана в рубрике «Нечто».

Его пригласили в Москву на телепрограмму, занимательную и весёлую. Он поехал, выступил. Это выступление, его рассказ о Русской Мечте породили несколько других приглашений, в другие программы, развлекательные и научные. «Мечта» кружила воображение редакторов и телеведущих. Он решил, что так проявляет себя то несказанное чудо, которое его посетило в лугах. Тот сон, в котором ему явилась таблица. Когда вспышка, что его ослепила, утратила свой слепящий свет, он стал различать множество новых явлений, о которых раньше не ведал. Ему стало открываться таинственное содержание русской истории, тайные коды, которые в ней хранились и позволили народу создать непомерное государство среди трёх океанов.

Он стал различать музыку русской истории, «музыку русских сфер». Невидимый пианист играл на поднебесном рояле. Нажимал одну клавишу — и русские землепроходцы и казаки выходили к берегу Тихого океана, смотрели, как всплывает из пучин